

М.Ф. Шумейко

К истории деятельности Археографической комиссии Инбелкульта и Белорусской академии наук

Анализ деятельности созданной в октябре 1925 г. Археографической комиссии Инбелкульта (с 1930 Белорусской академии наук) свидетельствует о том, что комиссия в своей работе опиралась на заложенные первым белорусским археографом, гомельским протоиереем И.И. Григоровичем, подготовившим в 1824 г. «Белорусский архив древних грамот», традиции, учитывала накопленный тогда же профессорами Виленского университета И. Даниловичем, И. Лелевелем, И. Лобойко и др. опыт в сфере камеральной археографии. Инбелкультовский период, несмотря на его непродолжительность, имел позитивное значение в деле формирования в Беларуси национальной археографии.

Ключевые слова: Археография, Археографическая комиссия, Инбелкульт, Белорусская академия наук, «Белорусский архив древних грамот», «Беларускі архіў», И.И. Григорович, И. Данилович, Д.И. Довгялло, М.В. Довнар-Запольский, И. Лелевель, В.И. Пичета, Н.Н. Улашик, Литовская метрика, Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии

В 1824 г. увидел свет подготовленный в Гомеле протоиереем о. Иоанном (И.И. Григоровичем) (1792–1852) сборник документов «Белорусский архив древних грамот». С именем И.И. Григоровича связано начало систематической научной публикации в Беларуси исторических источников, знаменовавшее зарождение здесь археографии как сферы практической деятельности. Оценивая значение увидевшей свет первой части сборника в деле накопления и распространения научного знания в области истории и филологии, Григорович писал: «...Появление в свет первой книжки Архива, разрушив многие преграды и предубеждения, по крайней мере объяснило истину, еще новую в здешнем крае, истину того, что *собираание старинных документов имеет особенную цену и пользу для исследователя истории и языка*» (курсив наш – М.Ш.) [БГАМЛИ. Ф. 6 (И.И. и Н.И. Григоровичи). Оп. 1. Д. 14. Л. 2; Запартыка, 2001, с. 264].

Становление и развитие археографии в Белоруссии происходило в сложной обстановке. Первый ректор Белорусского государственного университета, известный историк–славист, будущий академик белорусской и союзной академий наук В.И. Пичета писал в начале 1920-х гг.: «Архивные документы, касающиеся Белоруссии, значительное время политически связанной с Польско-Литовским государством, разбросаны по архивохранилищам и книгоохранилищам России, Украины и Польши. Собираением документов, их хранением, а также их изданием интересовались как польские, так и русские ученые. Работа тех и других шла параллельно. Однако долгое время впереди шли польские историки, так как Белоруссия, перешедшая к России после разделов Польши, долгое время была вне ученого внимания историков русских. Поэтому издание и соби- рание документов производилось польскими исследователями, *освещавшими исторический материал с несколько односторонней польской точки зрения*» (курсив наш – М.Ш.) [Пичета, 1923, с. 24–25].

Позицию В.И. Пичеты разделял и руководитель Витебского окружного бюро краеведения Д.М. Василевский, отмечавший вместе с тем активно проводившуюся православными священниками с 1840-х гг. в белорусских губерниях работу по изданию древних актов и грамот с целью доказать, что православный крестьянин из белорусской губернии не отличается от крестьянина российской губернии не только по вере, но и по языку. По словам Василевского, «поляки не сдавались: они также занимают изданием белорусских древних грамот и чтобы убедить читателя в преобладании польского языка в Беларуси, заведомо портят свои издания, переводя грамоты с белорусского на польский язык ... Такой характер носит “Skarbiec dyplomatów...” Даниловича» [Василеўскі, 1926, с. 8].

Заметим, что еще за четыре десятилетия до появления двухтомного «Skarbiec’a dyplomatów» (1860, 1862 гг.), И. Данилович во времена своего профессорства в Виленском университете подготовил к изданию обнаруженную профессором этого же университета М.К. Бобровским Супрасльскую летопись, транслитерировав ее текст польской графикой. Уже после отъезда Даниловича в Харьков летопись была издана в 1827 г. А.Марциновским с предисловием профессора Виленского университета М. Сосновского [Latopisiec Litwy, 1827]. Н.Н. Улащик объяснял это обстоятельство желанием И. Даниловича познакомить владевших в большинстве своем польским языком жителей бывшего Великого княжества Литовского с летописью, которая, по его мнению, вызовет у них наибольший интерес [Улащик, 1985, с. 63–72; цит. по: Улашчык, 2001, с. 171–172].

Объективности ради отметим значительный вклад профессуры Виленского университета в становление и развитие археографии в белорусских и литовских губерниях. Напомним, что именно И. Данилович был инициатором создания в мае 1822 г. Комитета для сличения Литовского статута, в состав которого, кроме него, вошли И.Н. Лобойко, И. Лелевель, Я. Зноско, К. Контрым. Благодаря деятельности этого комитета было положено начало изучению и подготовке научных изданий этого выдающегося памятника права Великого княжества Литовского. Издание успешно продолжается и в сегодняшней Республике Беларусь [Лобойко, 2008, с. 136–138].

Своеобразным продолжением дела И. Григоровича стал появившийся в 1848 г. впервые на территории собственно Беларуси сборник документов, подготовленный по инициативе минского гражданского губернатора А.В. Семенова специально созданной для этого комиссией под руководством ректора Минской духовной семинарии архимандрита Геласия [Собрание древних грамот, 1848].

Правда, его составителям и редакторам не удалось избежать проявления внаучного влияния в части отбора документов. На это обстоятельство, сам того не желая, обратил внимание рецензент, отметив, что главной задачей сборника, равно как и пятью годами ранее появившегося аналогичного виленского издания, являлось показать «повсеместное и, можно сказать, почти исконное владычество имени Русь, языка Русского и веры Православной в нынешних западных губерниях Российской империи, равно как и огромное преобладание там русской стихии народонаселения над всеми прочими» [Памятники русской старины, 1849].

Разумеется, подобные проявления политического, идеологического влияния на готовившуюся археографическую продукцию имели место и в работе созданной через год после подавления восстания 1863 года Виленской археографической комиссии. И тем не менее, оценивая результаты полувековой деятельности последней, не отрицая при этом ее определенной политической ангажированности, следует согласиться с мнением Н.Н. Улащика, писавшего: «При всей тенденциозности публикаторов («Актов Виленской археографической комиссии» – М.Ш.) результатом их деятельности было издание массы разнообразнейших источников, представляющих огромное культурное богатство. Изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати» [Улащик, 1973, с. 15].

С созданием белорусской советской государственности существенным образом изменилась тематика документальных публикаций, хотя формы их организации и подготовки в определенной степени наследовали ранее существовавшие. Подтверждением этому может служить Историко-археологическая (Археографическая) комиссия Института белорусской культуры (Инбелкульта).

В пережившей немецкую оккупацию Белоруссии научное археографическое учреждение необходимо было создавать вновь. Правда, не были забыты традиции прекратившей свою деятельность летом 1915 г. Виленской археографической комиссии, последний председатель которой Д.И. Довгялло тогда же эвакуировался в Могилев и затем возглавил по поручению Главархива РСФСР работу по организации архивного дела в Могилевской губернии.

С открытием в 1921 г. высшего учебного заведения – Белорусского государственного университета, а в следующем году – высшего научного учреждения – Института белорусской культуры и особенно после так называемого «первого укрупнения Беларуси» (весна 1924 г.) вопрос о восстановлении в Беларуси прерванной Первой мировой войной археографической традиции был переведен в практическую плоскость. Об этом говорил возглавлявший Могилевский губернский архив Д.И. Довгялло, выступая с докладом «Археографические работы в Белоруссии» на Первой всебелорусской конференции архивных работников. Именно он и предложил создать в Минске, политическом и научном центре республики, такую комиссию, которая бы «начала подготовку к изданию материалов по истории Беларуси и тем самым продолжила бы ту работу, которая велась до революции» [Первая всебелорусская конференция архивных работников, 1999, с. 39].

Не без влияния доклада Д.И. Довгялло археографическая работа в республике вскоре получает организационное оформление. Ею начинает заниматься созданная 24 февраля 1925 г. в структуре Инбелкульта Историко-археологическая секция во главе с ректором БГУ, историком В.И. Пичетой. Занимая ряд и других ответственных должностей, Пичета не мог уделять секции должного внимания. С учетом данного обстоятельства в Минск были приглашены проживавший в Баку известный историк и археограф, имевший большой опыт организаторской работы в сфере археографии¹, профессор М.В. Довнар-Запольский и упоминав-

¹ Как известно, М.В. Довнар-Запольский еще в 1896 г. по сути возглавил созданную по его же инициативе Археографическую комиссию Московского археологического обще-

шийся Д.И. Довгялло. С их переездом летом 1925 г. в столицу советской Беларуси археографическая работа в республике приобретает реальный характер.

1 октября 1925 г. в структуре Историко-археологической секции создается одноименная комиссия, председателем которой становится Довнар-Запольский, а ученым секретарем – Довгялло. Несмотря на название «историко-археологической» («археографической») она станет именоваться с 1927 г., после реорганизации Инбелкульта), комиссия по характеру своей деятельности была археографической, что и отмечал ее секретарь в записке, направленной в 1927 г. в президиум Инбелкульта. В ней он, в частности, писал: «При академиях наук СССР, УССР, при Краковской академии работают археографические комиссии. С 1 октября 1925 г. (курсив наш —М.Ш.) Археографическая комиссия основана при Институте белорусской культуры. Все эти комиссии работают над поиском, обработкой и изданием в печати источниковых материалов, их перепиской, всесторонним их изучением с археографической стороны. Эту установку имеет и Археографическая комиссия ИБК» [Шумейко, 2007, с. 244–245].

Ровно через неделю после конституирования комиссии, 8 октября 1925 г., ее председатель и секретарь представили руководству Инбелкульта доклад с обоснованием необходимости продолжить *пофондовое* (курсив наш —М.Ш.) издание актов Литовской метрики, начатое, как известно, еще Петербургской археографической комиссией (в рамках серии «Русская историческая библиотека»)². При этом они справедливо полагали, что «в теперешнее время ни одно учреждение РСФСР уже не возьмет на себя труд и расходы по продолжению этого издания» [ЦНА

ства; в 1918 г. он станет во главе Киевского археологического института, призванного готовить кадры архивистов и археографов.

² Как известно, отдельные акты Метрики издавались еще в первой половине XVIII в. Матеем Догелем, хотя это издание и не носило научного характера. Частично документами из архива великокняжеской канцелярии было укомплектовано и пятитомное издание «Актов Западной России», вышедшее в 1846–1853 гг. под редакцией И. Григоровича, бывшего главным редактором актов Петербургской археографической комиссии. Правда, им предшествовала публикация в 1843 г. в двух томах «Книги посольской Метрики Великого княжества Литовского», готовившейся М. Оболенским, И. Даниловичем, М. Погодиным, Д. Дубенским. И лишь с 1903 г. Археографическая комиссия перешла к полной публикации книг Литовской метрики в рамках одноименной четырехтомной подсерии серии «Русская историческая библиотека» (подготовку томов вели С.А. Бершадский, П.А. Гильдебрандт, И.И. Лаппо и С.А. Пташицкий).

НАНБ. Ф. 67 (Инбелкульт). Оп. 1. Д. 9. Л. 268]. Целесообразность данной работы М.В. Довнар-Запольский и Д.И. Довгялло обосновывали научным значением составлявших Метрику документов как источников по изучению белорусской истории XV–XVIII вв.: «Каждому исследователю белорусской древности до XVIII в. хорошо известно, что без использования Литовской метрики нельзя осветить никаких вопросов и что с изучения этого источника следует начинать исследовательскую работу по истории Беларуси» [Там же].

Одновременно комиссией был составлен и также представлен в президиум Инбелкульта согласованный с Центрархивом республики список архивных фондов, в разное время вывезенных с территории Беларуси. Это действие было обусловлено принятым 18 сентября 1925 г. Президиумом ЦИК СССР постановлением о передаче Украинской ССР и Белорусской ССР их архивных фондов, находившихся в хранилищах РСФСР (в основном это были документальные собрания учреждений Гродненской и Минской губерний, эвакуированные с началом Первой мировой войны на восток).

17 октября 1925 г. комиссия приняла решение об издании «первого тома исторических документов». И хотя в протоколе ее заседания название проектируемого сборника не фигурировало, нетрудно предположить, исходя из упоминания здесь же «Белорусского архива древних грамот» И.Григоровича, что примерно такое же название и серийного инбелкультовского сборника документов не вызвало ни у кого возражений. Оно не только знаменовало сохранение традиций белорусской археографии, заложенных столетием ранее, но и подчеркивало национальный характер готовившегося издания – «Беларускі архіў».

Помимо основного серийного издания комиссия предполагала готовить и публикации учебного типа в форме небольших брошюр объемом до 3 печатных листов. Был разработан план издания библиотечки исторических источников по истории Беларуси. В соответствии с ним должны были быть опубликованы фрагменты древнерусских, белорусско-литовских летописей, немецких и польских хроник, памятников права и др. Д.И. Довгялло при участии руководителя кафедры истории искусства Инбелкульта Н.Н. Щекотихина был подготовлен по книгам Литовской метрики альбом филиграней XVI–XVII вв. [Матэрыялы, 1996, с. 51–59]. К сожалению, реализовать эти планы, крайне важные для становления и развития в республике археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин, комиссии не удалось.

Осенью 1926 г. был вынужден покинуть республику председатель комиссии М.В. Довнар-Запольский. Одной из причин этого стала его попытка издать книгу «История Белоруссии», которая была квалифицирована высшим партийным органом Беларуси как «манифест национал-демократизма»³.

Руководство комиссией перешло к В.И. Пичете, а сама она была причислена к кафедре истории белорусского права реформированного Инбелкульта, которую также возглавлял ректор БГУ.

Однако еще до вынужденного отъезда из Минска М.В. Довнар-Запольский успел провести в январе 1926 г. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, который стал своего рода смотром научных сил гуманитарного профиля республики. К сожалению, на работу съезда, как и на ряд принятых им решений в определенной степени повлияли происходившие в это время в Беларуси и в целом в СССР события общественно-политического и международного характера. Здесь мы имеем в виду деятельность так называемой Комиссии по интеллигенции, возглавляемой председателем ЦКК КП(б)Б и наркомом РКИ БССР В.А. Радус-Зеньковичем, а также готовившийся договор о ненападении между Литовской Республикой и Союзом ССР, заключение которого литовская сторона увязывала с вопросом о Литовской мектрике. Подробно об этом речь уже шла в нашей статье [Шумейко, 2012, с. 171–180].

В 1927 г. увидел свет первый том «Беларускага архіва», который, как отмечал в предисловии к нему Д.И. Довгялло, являлся «первой археографической работой Историко-археологической комиссии Инбелкульта». Основу тома составил готовившийся Довгялло второй раздел, представлявший собой публикацию 134 документов за 1562–1697 гг. из хранившейся в рукописном отделе Могилевского отделения Белорусского государственного музея книги с привилеями городу на Магдебургское право, подтвердительными привилеями, выдававшимися начиная с 1562 г. Значение данной публикации трудно переоценить. Дело в том, что книга Могилевского магистрата впоследствии была утрачена, так что, опубликовав ее, Довгялло тем самым сохранил этот важный источник для исследователей.

³ В 1994 г. хранившаяся в фонде Истпарта Беларуси Национального архива Республики Беларусь рукопись книги (без двух глав) издана в переводе на белорусский язык; в 2016 г. увидело свет 4-е, исправленное и дополненное издание книги на языке оригинала – русском.

Первый опыт Историко-археологической (Археографической) комиссии Инбелкульта был замечен и отмечен научной общественностью как Беларуси, так и России, Польши, Латвии, Украины. Рецензии на сборник откликнулись такие известные археографы и историки как В.И. Пичета, С.Н. Валк, Р. Меницкий, Б.Р. Брежго, С. Иваницкий. С.Н. Валк писал: «Надо отметить, что несмотря на несомненную спешку в подготовке этот первый том тем не менее отличается тщательностью работы, вниманием к требованиям археографии и хорошей внешностью» [Валк, 1928, с. 87].

Еще более удачным как по выбору объекта публикации, так и по уровню археографической подготовки оказался второй том «Беларускага архіва», готовившийся уже без участия М.В. Довнар-Запольского, и увидевший свет в 1928 г. Он являл собой пример пофондовых публикаций, на которые Д.И. Довгялло перешел, готовя в 1897–1903 гг. заключительные тома серийного издания Витебского центрального архива древних актовых книг «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» и в 1912–1914 гг. «Акты Виленской археографической комиссии». Объектом публикации тома стала 16-я книга записей Литовской метрики (по классификации С.Л. Пташицкого). Издавая его, Инбелкульт тем самым приступал к реализации резолюции Первого съезда исследователей белорусской археологии и археографии «О Литовской метрике», а также инициатив руководства Археографической комиссии, о которых шла речь выше.

И не вина составителя, что публикуемая им 16-я книга записей ни по происхождению, ни по содержанию не имела никакого отношения к архиву великокняжеской канцелярии. Это были акты Витебского и Полоцкого градских судов за 1530–1539 гг., попавшие в Метрику благодаря Яну Юровичу Глебовичу, бывшему в годы создания документов витебским, а затем полоцким воеводой, а потом ставшему канцлером ВКЛ, в ведении которого находилась так называемая Большая метрика. Обо всех этих обстоятельствах Д.И. Довгялло подробно информировал читателей в открывавшем том обстоятельном предисловии, носившем источниковедчески-археографический характер.

Высокий археографический уровень данной публикации ставит ее в один ряд с пофондовыми изданиями, готовившимися Петербургской (Петроградской) археографической комиссией в 1903–1915 гг., и поэтому совершенно обоснованно составители «Методических рекомен-

даций по изданию и описанию Литовской метрики» включили 2-й том «Беларускага архіва» в перечень продолжающихся публикаций Метрики, присвоив ему условный 5-й номер, вслед за четырехтомным изданием в составе «Русской исторической библиотеки» [Методические рекомендации, 1985, с. 14].

Не ставит под сомнение высокий археографически-источниковедческий уровень Д.И. Довгялло-метриканта и автор одного из лучших источниковедческих исследований, объектом которого выступает Метрика, Н.Г. Бережков, ссылаясь на первых страницах своей монографии на доклад Д.И. Довгялло о Метрике, с которым тот выступал на Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии [Бережков, 1946, с. 154]. В этой связи нельзя согласиться с излишне категоричным и едва ли соответствующим действительности утверждением современного белорусского метриканта о том, что «Безнадёжно устарела и методика публикации «Беларускага архіва» Д. Довгялло, который опирался на опыт, приобретенный им в дореволюционный период научной деятельности» [Груша, 2003, с. 203]. Разумеется, эдиционная практика в сфере публикации Метрики не может не способствовать приращению и обогащению методических приемов, однако, как совершенно справедливо отмечает современный российский археограф, «модернизация публикаторских подходов должна происходить на основе заложенных в них базовых принципов (курсив наш – М.Ш.), отвечающих запросам современной исторической науки, филологии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин» [Хоруженко, 2014, с. 364].

Ставший последним третий том «Беларускага архіва» (издан в 1930 г.) невыгодно отличался от двух предыдущих. Вынесенный на обложку подзаголовок «Менскія акты» (вместо основного названия «Беларускі архіў»), отсутствие предисловия, «облегченная» передача текстов документов – все это указывает на имевшую место спешку, в условиях которой он готовился. И это действительно так. Завершение работы над томом совпало не только с реорганизацией Инбелкульту в Белорусскую академию наук, но и с прокатившимися по Беларуси арестами в связи с инспирированным органами госбезопасности делом о так называемом «Союзе освобождения Беларуси»⁴.

⁴ Последнее представляло собой аналог «дела академика С.Ф. Платонова» в России («Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»), «Спілки визволення України» в Украине.

Достаточно обратиться к протоколам заседаний белорусского отделения Всесоюзного общества историков-марксистов, проходивших в октябре–ноябре 1930 г., чтобы представить себе невыносимую обстановку политической и идеологической травли гуманитарной интеллигенции, включая и сотрудников Археографической комиссии уже Белорусской академии наук, которая развернулась в это время в республике.

«Певец православия», «последователь М. Кояловича» – такие эпитеты звучали в адрес шестидесятидвухлетнего Д.И. Довгялло, вынужденного каяться в преступлениях, которых он не совершал. Именно так следует воспринимать его выступление на заседании общества 14 ноября 1930 г., когда уже был арестован в Минске и этапирован в Ленинград В.И. Пичета, а «выдавленный» в 1926 г. из Минска и проживавший в Москве М.В. Довнар-Запольский ожидал ареста⁵. Пытаясь смягчить критику в свой адрес пока еще только «идеологических следователей» (следователи НКВД начнут его допрашивать после ареста 10 декабря 1937 г.) [Шумейко, 2002, с. 114–116], Д.И. Довгялло признавал «неактуальными» и «ошибочными» публикации документов «древности», которые он готовил якобы по поручению вначале М.В. Довнар-Запольского, а потом В.И. Пичеты: «Меня, например, заставили заниматься тем, чтобы я выявлял документы, относившиеся к истории городов, те издания, которые показывали бы нам законодательный кодекс, который был в ежедневном употреблении магистрата. Затем было обращено внимание на издание Литовского статута. Также решили, что нужно издать одну из книг, хранившихся в литовских метриках» [Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1449 (Белорусское отделение Всесоюзного научного общества историков-марксистов). Оп. 1. Д. 13. Л. 111–112 (Из выступления Д.И. Довгялло на заседании отделения 14 ноября 1930 г.)].

Последующая деятельность Археографической комиссии Белорусской академии наук не была столь продуктивной как в «инбелкультурский» период. Да и собственно сама комиссия существовала лишь на бумаге. Правда, в 1934–1935 гг. при ее участии был издан двухтомник о мануфактурах в Беларуси, готовившийся в рамках заключенного еще в 1930 г. между археографическими комиссиями белорусской и союзной академий наук договора о социалистическом соревновании [Матэрыялы, 1934–1935]. С избранием в феврале 1931 г. президентом Белорус-

⁵ Смерть М.В. Довнар-Запольского в 1934 г. «избавила» ученого от ареста.

ской академии наук ученика и помощника М.Н. Покровского по Обществу историков-марксистов П.О. Горина археографическая деятельность в республике сходит на нет. В этом нетрудно убедиться, обратившись к написанному в вульгаризаторском духе, с использованием терминологии пресловутого А. Вышинского очерку о Белорусской академии наук, где об археографии говорится (при этом совершенно безграмотно!) буквально следующее: «Помимо этого, обработаны и изданы “Минские акты”, том 1 (XV–XVIII век); подготовлены к печати “Материалы по истории мануфактуры в Белоруссии в первой половине XIX века» [Шпилевский, 1933, с. 64].

Подводя итоги, отметим, что инбелкультовский период, несмотря на его непродолжительность (1925–1928 гг.), сыграл заметную роль в истории белорусской археографии. Именно в это время последняя приобретает национальный характер. Знаменательным событием этого периода стал Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии, не только обозначивший «болевые точки», существовавшие в археографии, но и наметивший пути к их преодолению. Активное участие Археографической комиссии в решении вопросов реституции архивных собраний способствовало поступлению в белорусские архивохранилища многих документальных комплексов, находившихся за пределами республики.

Начавшиеся с 1930-х гг. в Беларуси, равно как и в России, Украине репрессии против научных кадров гуманитарного профиля (аресты Д.И. Довгялло, М.В. Мелешко, В.У. Ластовского, Я.И. Лёсика, В.И. Пичеты и др., фактическая высылка М.В. Довнар-Запольского, самоубийство первого президента Белорусской Академии наук В.М. Игнатовского) прервали процесс развития национальной археографической школы. Довершению ее разгрома способствовала передача в 1938 г. архивных органов и учреждений в ведение НКВД. Это мероприятие почти наглухо закрыло двери архивов перед историками и археографами, лишив их возможности изучать и публиковать хранившиеся там исторические источники.

Литература

Бережков, 1946 — Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. Часть 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. М.; Л., 1946.

- Валк, 1928 — Валк С.Н. Обзор документальных публикаций // АД. 1928. Вып. 3 (16). С. 86–95.
- Васілеўскі, 1926 — Васілеўскі Д. Сталецьце крязнаўчай працы на Беларусі // Наш край. 1926. № 2/3 (5/6). С. 3–14.
- Груша, 2003 — «Малапрыстасаваныя» рэкамендацыі ці малападрыхтаваныя рэцэнзенты? // Беларускі гістарычны агляд. 2003. Т. 10. Сш. 1/2 (18/19). С. 201–227.
- Запартыка, 2001 — Запартыка Г.В. І.І. Грыгаровіч / Г.В. Запартыка, А.М. Запартыка // БАШ. Мінск, 2001. Вып. 2. С. 260–267.
- Лобойко, 2008 — Иван Лобойко. Мои воспоминания // Вильна 1823–1824: Перекрестки памяти / сост.: А.И. Федута; коммент. П.М. Лавринец, А.И. Рейтблат, А.И. Федута. Минск, 2008. С. 136–138.
- Матэрыялы, 1934–1935 — Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распаду феадалізма. Мінск, 1934–1935. Т. 1–2.
- Матэрыялы, 1996 — Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна 1896–1940. Мінск, 1996.
- Методические рекомендации, 1985 — Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.
- Памятники русской старины, 1849 — Памятники русской старины, собранные и изданные в Минске [рец. на сб. док.: Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848] // Минские губернские ведомости. 1849. № 7. Неофициальная часть.
- Первая всебелорусская конференция архивных работников, 1999 — Первая всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Документы и материалы Минск, 1999.
- Пичета, 1923 — Пичета В.И. Введение в русскую историю (Источники и историография). М., 1923.
- Собрание древних грамот, 1848 — Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.
- Улашчык, 2001 — Улашчык М.М. Выбранае. Мінск, 2001.
- Улащик, 1973 — Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973.
- Улащик, 1985 — Улащик Н.Н. По страницам отечественного летописания: Белорусско-литовское летописание // ВИ. 1985. № 1. С. 63–72.
- Хоруженко, 2014 — Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // АЕ за 2011 год. М., 2014. С. 347–364.
- Шпилевский, 1933 — Шпилевский И.Ф. Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки. (Исторический очерк). Перевод с переработанного белорусского издания / И.Ф. Шпилевский, Л.А. Бобрович. Минск, 1933.

- Шумейко, 2002 — Шумейко М.Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. Минск, 2002.
- Шумейко, 2007 — Шумейко М.Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв. (Проблемы теории, истории, методики). Минск, 2007.
- Шумейко, 2012 — Шумейко М.Ф. Первый съезд исследователей белорусской археологии и археографии 1926 года // АЕ за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 171–180.
- Latopisiec Litwy, 1827 — Latopisiec Litwy i kronika Ruska: z rękopisu sławiańskiego przepisane, wypisami z wremiennika Sofijskiego pomnożone, przypisami i objaśnieniami, dla czytelników polskich potrzebnemi, opatrzone; staraniem i praca Ignacego Daniłowicza, profesora zwyczajnego w Cesarskim uniwersytecie Charkowskim. Wilno, 1827.